

Глава 7. Нечестивое воскрешение

Символы ритуального круга угасли, и трое теневых клонов один за другим рассеялись клубами белого дыма. Тоби, опираясь ладонью о сухую землю, с трудом поднялся. Но едва он выпрямился, как голова пошла кругом, и тело, потеряв опору, беспомощно накренилось вперёд.

Он уже готов был рухнуть, когда чья-то сильная рука подхватила его сзади за локоть.

— Похоже, даже вам нелегко даётся такой колоссальный расход чакры, — раздался над ухом тяжеловесный голос Кисаме. — Я же говорил, что мог бы помочь. Как минимум сэкономили бы чакру на одном из клонов.

— Разве у тебя не было другого поручения? — Пользуясь поддержкой подчинённого, Тоби медленно выпрямился и мягко оттолкнул его руку. — Во время исцеления я был совершенно беспомощен. Любая помеха могла стать роковой. — Он перевёл взгляд на ниндзя-отступника Тумана: — Судя по твоему виду, Обито так и не объявился?

— Именно так. Я без усталости патрулировал окрестности, но никто не пытался сюда проникнуть.

— Что и требовалось доказать, — сухо хмыкнул Тоби.

— И всё же удивительное дело... — Кисаме обвёл взглядом мрачный, застывший мир. — Кто бы мог подумать, что ваш Шаринган скрывает в себе целое карманное измерение.

— Цени это. Из всех членов Акацуки ты единственный, кому выпала честь оказаться здесь.

— В таком случае я прямо-таки лыщён, — с трудноуловимой иронией отозвался Кисаме. — Впрочем, есть одна деталь, которая разжигает моё любопытство... Всякое ли пространственно-временное ниндзюцу Шарингана ведёт именно сюда? Или же... два разных человека с двумя разными парами Мангекё способны владеть абсолютно одинаковой техникой?

Тоби ничего не ответил. Он молча сбросил изорванный, пропитанный пылью плащ Акацуки.

— Похоже, у вас куда больше тайн, чем я предполагал, — проговорил Кисаме, оглядывая зияющую сквозную дыру в груди мужчины и бледную, неестественного цвета правую руку.

Совсем недавно Кисаме своими глазами видел, как Тоби оторвал эту конечность у Белого Зетсу, поджидавшего снаружи Конохи, и прирастил её себе прямо в пространстве Камуи.

— Впрочем, неважно. У меня нет привычки сунуть нос в чужие секреты. Я предал родную деревню и пошёл за вами только потому, что верю в план «Око Луны». Верю, что он избавит

меня от этой беспросветной фальши. К тому же вы открыли мне истинную цель поимки Хвостатых — то, о чём не догадывается даже Пейн... Разве это не главное доказательство вашего особого доверия?

— Главное, что ты это понимаешь, — ответил Тоби.

Подняв с земли плащ, он подошёл к лежащему без чувств Какаси.

— Ещё бы, — оскалился Кисаме, блекло блеснув рядами острых акулих зубов. — И каковы же наши дальнейшие шаги? Утиха Сисуи жив, тот парень, Обито, пробудил Мангекё Шаринган... Кажется, всё идёт не совсем по плану. И что делать с этим?

— Он — наш бесценный козырь.

Накинув плащ на плечи серебряновласого спецназовца, Тоби бережно подхватил его на руки и прижал к своей груди.

— Напарник Утихи Обито, ученик Намикадзе Минато, сын Хатаке Сакумо... Удерживая его, мы сковываем руки сразу троим сильнейшим ниндзя Листа. А может, и не троим.

— Заложник, значит... — Кисаме проследил за его бережными, почти осторожными движениями, но развивать тему не стал.

На этом разговор окончился. Пространство закручивалось немой спиралью, и вскоре в измерениях Камуи снова воцарилась привычная, мёртвая тишина.

Покинув Коноху, Обито без остановки мчался на север. На рассвете четвёртого дня он наконец добрался до цели.

Деревня Скрытого Звука в Стране Рисовых Полей — владения Орочимару, одного из Легендарных Саннинов, предавших Лист.

Много лет назад всплыла правда о тайных человеческих экспериментах, которые Орочимару проводил рука об руку с Дандзо. Поначалу они использовали списанных пленников из чужих деревень, затем переключились на покупных сирот, а под конец начали похищать жителей Конохи — и даже действующих ниндзя.

Когда преступления выплыли наружу, Дандзо лишился прежнего влияния и авторитета, а Орочимару, воспользовавшись минутным милосердием Третьего Хокаге, бежал из деревни, став ниндзя-отступником. За прошедшее десятилетие Змеиный Саннин с нуля выстроил

Деревню Звука. Из стратегических соображений Минато не стал развязывать с ним открытую войну, лишь приказал разведке неустанно следить за каждым его шагом. Вплоть до сегодняшнего дня.

Укрытие Орочимару располагалось не в самом селении, а неподалёку, в мрачной подземной лаборатории, вырубленной в толще горной породы.

Едва Обито приблизился к входу, навстречу ему вышел седовласый юноша в круглых очках, с волосами, собранными в хвост.

— Надо же, какой редкий гость, — наигранно-вежливо протянул он. — Любимый ученик Четвёртого Хокаге... Какими судьбами в наших скромных пенатах?

— Орочимару у себя? — сурово отрезал Обито, не теряя времени на приветствия. — Веди меня к нему.

— И ты думаешь, я вот так просто возьму и введу тебя? — Кабуто прищурился. — Коноха и Звук — заклятые враги. Да и твой одиночный визит выглядит крайне подозрительно...

Он осёкся на полуслове.

Взгляд Обито, блеснувший из-под капюшона, заставил его проглотить остаток фразы. В алых глазах медленно вращался узор Мангекё Шарингана, излучая удушающую, смертоносную угрозу.

— У тебя два пути. Либо ты отводишь меня к Орочимару, либо я убиваю тебя и нахожу его сам. Что выбираешь?

Кабуто не успел ответить: из тьмы за его спиной донеслось шуршание. Белая змея толщиной с запястье и длиной метра в два выскользнула на свет, взобралась по ноге юноши на плечо и, разинув пасть, тихо зашипела ему прямо в ухо.

— Раз таково ваше решение... — пробормотал Кабуто, выслушав послание.

Он поправил очки, невзначай смахивая со лба холодную каплю пота.

— Иди за мной, — сменив тон, сказал он Обито. — Господин Орочимару ждёт тебя.

Они спустились в узкий длинный туннель, уходивший глубоко под землю, и остановились у массивных дверей. Кабуто коротко постучал.

— Войди, — моментально отозвался изнутри сиплый голос.

За дверью располагался просторный кабинет, совмещённый с лабораторией.

Главнокомандующий Скрытого Звука восседал в массивном кресле, закинув ногу на ногу и переплетя пальцы перед собой. На его бледном лице застыла змеиная ухмылка. Поза казалась непринуждённой, но узкие жёлтые зрачки хищно следили за входящим Обито, сжигаемые нескрываемым любопытством.

— Твои глаза... — неспешно прошипел Орочимару. — Стало быть, слухи не врут. В величайшую из пяти деревень ворвались среди бела дня, натворили бед да ещё и уволокли труп... Какой конфуз для Конохи.

— Ты осведомлён так же быстро, как и всегда. Омерзительно, — с отвращением поморщился Обито.

— Взаимно. А вот то, что ты без труда отыскал моё убежище, говорит о том, что у меня завелись лишние мыши. Так какими судьбами? Пришёл попросить, чтобы я послал Сакумо букет траурных хризантем? Или Минато пал духом перед лицом врага, осознал свою ничтожность и решил уступить пост Хокаге мне, гению?

— Я пришёл не как ниндзя Листа, — Обито сбросил капюшон, демонстрируя отсутствие протектора Конохи. — И никто в деревне не знает о моём визите. Я здесь от своего имени. Хочу предложить сделку.

— Сделку? — Орочимару изогнул бровь.

Обито молча достал из подсумка тактическую перчатку с запекшимися бурыми пятнами и аккуратно положил её на стол.

— На ней кровь Какаси. — Впившись взглядом в жёлтые змеиные зрачки Саннина, Обито отчеканил каждое слово: — Используй её как медиум для Нечестивого воскрешения. Верни его из того мира.

В кабинете воцарилась глухая тишина.

— КабUTO, — нарушил молчание Орочимару. — У меня, кажется, что-то со слухом. Что сказал этот юноша?

— Я и сам не верю своим ушам, господин Орочимару, — отозвался помощник.

— Примени Эдо Тенсей и верни Какаси. Дай ему тело, максимально близкое к живому, — проигнорировав сарказм, продолжил Обито. — А затем разорви контролирующую печать, чтобы он мог мыслить, чувствовать и оставаться в нашем мире по собственной воле. Тебе это

под силу.

— Надо же, ты не шутишь, — цокнул языком Орочимару. — Ты ведь понимаешь суть этого запретного искусства. Неужели ты готов растоптать волю самого Какаси и насильно вытащить его из Загробного мира?

— А он спросил МЕНЯ, когда решал сдохнуть, чтобы пробудить мои глаза?! — рявкнул Обито, с размаху обрушив кулак на столешницу.

Его чакра вспыхнула диким, неистовым пламенем, а в алом зоре взвилась ярость.

— Свалил всё на меня! Заставил нести этот груз боли и ответственности, а сам сбежал в могилу?! Не выйдет! Тоби забрал его тело, так я заберу его душу! Он останется подле меня и будет смотреть на меня до тех пор, пока я собственными руками не разорву того ублюдка!

Эхо громко отозвалось в подземелье. В комнате снова стало тихо, лишь тяжело и рвано дышал юный Утиха. Постепенно буря улеглась. Осознав, как сильно поддался эмоциям, брюнет сжал губы и отвернулся.

— Короче, — глухо проговорил он. — Ты поможешь?

— Мне и самому любопытно, как мальчишка отреагирует на своё воскрешение, но задарма я палец о палец не ударю. — Орочимару откинулся на спинку кресла. — Ты ведь назвал это сделкой? Что предлагаешь взамен?

— Не обижу, — Обито явно ждал этого вопроса. — Я дам тебе то, о чём ты мечтаешь больше всего на свете.

Он поднял руку и двумя пальцами указал на собственные глаза.

— Когда Акацуки падут, Тоби будет мёртв, а Какаси вернётся в Чистую Землю... Я вырву эти глаза и отдам их тебе.

Глядя на застывшего в изумлении Орочимару, Обито чеканил слова спокойным, но пробирающим до костей тоном:

— Единственная пара Мангекё Шарингана в мире — в обмен на одну ритуальную технику, которая ничего тебе не стоит. По-моему, выгодный обмен.

Орочимару впился в него пристальным взглядом. Изумление на бледном лице сменилось извилистой ухмылкой, переросшей в низкий, жуткий смех.

— Хе-хе-хе... Ха-ха-ха-ха! Говаривали, будто сильное потрясение способно пробудить в Утиха великую силу, но вместе с тем неизбежно погружает их в безумие. Я думал, это преувеличение. Но, похоже, я недооценивал ваш клан.

Обито ответил ему ледяным молчанием.

— Что ж, раз ты столь щедр, отказываться грешно. — Змеиный Саннин поднялся с кресла и направился к выходу. — Идём! Я сделаю исключение и позволю тебе увидеть весь ритуал Нечестивого воскрешения своими глазами.

Под руководством Орочимару приготовления завершились мгновенно. Извлекая ДНК Какаси из окровавленной перчатки, Саннин нанёс её на свиток и активировал ритуальные печати. Приведённый Кабуто живой сосуд растерянно замер посередине комнаты, с ужасом наблюдая, как под его ногами расползаются чёрные узоры заклęcia.

Орочимару скинул голову, взглянув на Обито. Джонин Листа стоял у стены, скрестив руки на груди. На его лице не отражалось ни единой эмоции — гибель чужой жизни, разворачивавшаяся перед ним, не трогала его нисколько.

— Начнём, — бросил Саннин и сложил серию печатей.

Ладони сошлись с сухим хлопком:

— Запретная техника: Нечестивое воскрешение!

Символы на полу вспыхнули зловещим светом. Из воздуха, точно пепел или обрывки бумаги, поднялись белесые хлопья. Они закружились вокруг жертвы и, найдя мишень, ринулись на неё, плотным коконом облепляя тело.

— А-а-а-а-а! — дико закричал сосуд, захлёбываясь болью и страхом.

Его лицо исказилось в нечеловеческой судороге. Только сейчас, скованный магией и обречённый на смерть, он осознал происходящее:

— Господин Орочимару... пощадите! Помогите кто-нибудь... А-а-а-а!

— Если хочешь кого-то винить, вини Утиху Обито, — с ленивой улыбкой проговорил Орочимару.

Последний клочок бумаги накрыл лицо жертвы, и вопль оборвался.

Спустя пару мгновений пепельные хлопья у ног умершего стали осыпаться. На месте скованных кандалами босых ног появилась стандартная обувь ниндзя.

Обито встрепенулся. Хладнокровие слетело с него вмиг: он оттолкнулся от стены и сделал невольный шаг вперёд, протягивая дрожащие пальцы. В глазах полыхнула безумная надежда, губы дрогнули, готовые выдохнуть заветное имя...

Но в следующее мгновение его лицо застыло в немом шоке.

Бумага опала слой за слоем, обнажая облик воскрешённого. На нём были не чёрные высокие сапоги Анбу, а обычная обувь и обмотки джонина. Выше — тёмные штаны, тонкие длинные пальцы в перчатках без пальцев, засученные рукава и зелёный жилет джонина.

Тёмно-синяя маска скрывала нижнюю часть лица, а растрёпанные серебристые волосы ниспадали на лоб. Воскрешённый медленно поднял голову. На его лице отчётливо виднелся старый вертикальный шрам, рассекавший левый глаз от брови и уходивший под ткань маски.

Глаза медленно открылись. На потемневших белках выделялись разноцветные зрачки: правый — тёмный, а левый — алый, застывший в узоре техники, использованной перед самой смертью.

Узор Мангекё Шарингана...

Последняя бумажная чешуйка упала на пол. Воскрешённый пришёл в себя. Увидев перед собой скрючившегося Орочимару, он вздрогнул, но рефлексy сработали мгновенно: мизинец поддел кунай из сумки, оружие сделало ловкий оборот и легло в ладонь хваткой для боя.

— Орочимару?.. Разве Саске тебя не убил? — настороженно спросил он. Его голос звучал ощутимо ниже и глуше, чем запомнил Обито. — Нет, постой... Я ведь тоже мёртв. Тогда где...

Ощувив, что в лаборатории есть кто-то ещё, он стремительно повернулся в сторону Обито. Их взгляды встретились. Воскрешённый судорожно глотнул воздух, и его глаза расширились от потрясения.

Голубые вспышки молний, заигравшие было на лезвии куная, мгновенно угасли. Оружие выскользнуло из онемевших пальцев и со звоном упало на каменные плиты, почти утонув в едва слышном, дрожащем шёпоте:

—... Обито?

<http://bllate.org/book/19560/1933720>